

Санкт-Петербургский государственный университет
Восточный факультет

Ближний Восток и его соседи

Сборник статей к 70-летию профессора
Николая Николаевича Дьякова

Санкт-Петербург
2023

ББК 63.3(53+61)я43
УДК 94(5–011+61)-082
Б69

Составитель:
А. С. Матвеев

Б69 Ближний Восток и его соседи: сборник статей к 70-летию профессора Николая Николаевича Дьякова / сост., отв. ред. А. С. Матвеев; Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета. — СПб.: Арт-Экспресс, 2023. — 608 с.; ил.

ISBN 978–5-4391–0854–1

Сборник статей в честь доктора исторических наук, профессора Николая Николаевича Дьякова, уже более 30 лет возглавляющего кафедру истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ, приурочен к семидесятилетию этого выдающегося ученого, преподавателя и организатора науки. В сборнике приняли участие специалисты по Ближнему Востоку и смежным регионам из Великобритании, Греции, Египта, России.

Широкий круг научных интересов юбиляра определяет и масштаб тем и проблематики статей, охватывающих самые разные аспекты ближне- и средневосточных штудий. В сборнике рассматриваются проблемы классической истории доисламского и исламского Ближнего Востока, современной истории ближневосточного региона и смежных областей, политика Российской империи на мусульманском Востоке, а также вопросы истории российского востоковедения и увлечения Востоком («ориентализм»).

**ББК 63.3(53+61)я43
УДК 94(5–011+61)-082**

ISBN 978–5-4391–0854–1

© Авторы сборника, 2023
© Восточный факультет СПбГУ, 2023

А. О. Победоносцева-Кая, А. И. Кирпиченко

Интеграция курдистанских евреев в Израиле: из «курдского Иерусалима» в иерусалимский Катамон

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые этапы процесса интеграции в израильское общество курдистанских евреев из расположенного в Иракском Курдистане города Захо, который из-за особой религиозности его жителей назывался «курдским Иерусалимом». В Ираке в эпоху британского мандата они являлись посредниками между колониальными властями и местным мусульманским населением. После переселения в Израиль курдистанские евреи сохранили традиционную функцию посредников между арабским населением и ашкеназской элитой Израиля. С начала 1970-х гг. этническое самосознание курдистанских евреев начинает пробуждаться на фоне борьбы восточных евреев Израиля против дискриминации. Переселение и интеграция курдистанских евреев в израильское общество было сложным и многогранным процессом, который включал в себя адаптацию к израильским реалиям, сопротивление дискриминации и борьбу за сохранение своей идентичности. Сегодня практически половина евреев из Курдистана проживает в иерусалимском районе Катамон и в окрестных населенных пунктах. Выходцы из Курдистана отличаются консервативностью, религиозностью и по возможности стараются сохранять культурные традиции своей родины. На этом пути главным препятствием становятся не только

действия государства, а реалии современного урбанистического израильского общества, сильно отличающегося от жизни Захо и других мест Иракского Курдистана. Община курдистанских евреев не относится к числу самых влиятельных и многочисленных этнических групп Израиля, хотя ее влияние неуклонно растет, и среди ее представителей есть и политики, и деятели культуры.

Ключевые слова: евреи, курды, Курдистан, Ирак, Израиль, миграция.

В наши дни возникло национально-вертикальное разделение труда: израильтянин-ашкенази — архитектор, восточный еврей — подрядчик и десятник, кирпичи таскает араб. Израильтянин — хозяин апельсиновой рощи, арабы убирают апельсины, восточные евреи командуют погрузкой.

Израэль Шамир.

Сосна и олива, или Неприметные прелести Святой земли

История малоизученной и в то же время заметной в современном израильском обществе общины курдистанских евреев является частью истории восточных евреев (ивр. *мизрахим*), переселившихся в Израиль преимущественно в 1950-х гг. Изначально некоторые исследователи 1920–1940-х гг., придерживавшиеся сионистских взглядов, видели в евреях Йемена и Курдистана этнографический реликт библейского еврея, модель для подражания. Таким был, например, этнолог Э. Брауэр, автор фундаментальных работ в области антропологии, в том числе книги «Йеменские евреи»¹. Но сионистская идеология того времени апеллировала прежде всего к евреям Центральной и Восточной Европы (ивр. *ашкеназим*), а еврейские общины Азии и Северной Африки не представляли для нее большого интереса. Поэтому на практике отношение к *мизрахим* было сугубо утилитарным: йеменские, курдистанские и марокканские евреи рассматривались в качестве дешевой рабочей силы² и должны были заменить арабских батраков согласно принципу *авода иврит*³. Лишь

¹ Abuhav O. The Forgotten Ethnographer: Erich Brauer and the Study of Eastern Jews // *Paamim*. 2019. № 158. P. 14.

² Shohat E. Sephardim in Israel: Zionism from the Standpoint of Its Jewish Victims // *Social Text*. No. 19/20. (Autumn, 1988). P. 13–14.

³ Понятие *авода иврит* (от ивр. תירבע הדיובע — еврейская работа) в контексте истории сионистского движения означает вытеснение не-еврейской рабочей силы с рынка труда Палестины в период до возникновения Государства Израиль.

после того, как большинство евреев Европы и Америки отказались покинуть свои страны после Второй мировой войны, правительство Давида Бен Гуриона (1948–1953) приняло решение стимулировать эмиграцию восточных евреев.

На примере курдистанских евреев мы можем рассмотреть процесс вхождения восточных евреев в израильское общество. Речь пойдет не только об экономической и социальной интеграции, но и о культурном взаимодействии между различными общинами Израиля и перехода от модели «плавильного котла» к концепции «мультикультурного общества». Курдистанские евреи населяли различные города этногеографического Курдистана, но больше всего информации и исследований касается еврейской общины города Захо⁴, расположенного в провинции Дахук на севере Ирака. Анализ работ, посвященных этой общине, позволяет проследить основные тенденции миграции курдистанских евреев, их нового места жительства и связанных с ним особенностей проживания.

Данное исследование основывается на анализе архивных источников, полевых материалов авторов, мемуаров, интервью, видеоматериалов и сообщений СМИ. Особый интерес представляют материалы журнала «Возрождение»⁵, издаваемого общиной курдистанских евреев в Израиле в 1972–2000 гг. В работе использованы неопубликованные архивные материалы из Государственного архива Израиля, содержащие информацию о политике государства Израиль в отношении евреев Курдистана. Полевые материалы, получены в результате общения с потомками переселившихся из Курдистана евреев в *мошаве* Йардена⁶. Еще одна группа

---

⁴ Gavish H. Changes in the Jewish community of Zakho (Iraqi Kurdistan) resulting from traditional religious affinities to the Holy Land, exposure to Zionist activity and emigration to Palestine/Israel from the end of the Ottoman period until 1951, in folkloristic and historic contexts. PhD diss., University of Haifa, 1999; Gavish H. Unwitting Zionists. The Jewish Community of Zakho in Iraqi Kurdistan. Detroit, Wayne State University Press, 2009; Yona M. Those who Perish in the Land of Assyria. The Jews of Kurdistan and Zakho. Jerusalem, 1988; Zaken M. Juifs, Kurdes et Arabes, entre 1941 et 1952 // *Études kurdes*. Errance et Terre promise Juifs, Kurdes, Assyro-Chaldéens. 2005. P. 7–43; Shai D. Changes in the oral tradition among the Jews of Kurdistan // *Contemporary Jewry*. Vol. 5. No. 1 (Spring/Summer 1980). P. 2–10.

⁵ «Хидхадшут» (ивр. חידושים). С 1972 по 2000 г. вышло одиннадцать номеров (примеч. авт.).

⁶ И до, и после образования государства Израиль существовали и существуют разные типы поселений: *мошав* — сельскохозяйственный кооператив, *кибуц* — сельскохозяйственная коммуна. Йардена (ивр. ירדנה) была основана в 1952 г. эмигрантами из Иракского Курдистана. Находится в 13 км к северу от Бейт Шеана, в 1 км от границы с Иорданией. Жители Йардены представлены однородной группой переселенцев из нескольких курдских деревень, и это позволило сохранить свою культурную специфику, в т. ч. использование новоарамейского языка. В 2012 г. в Йардене был создан Центр культурного наследия Курдистана в память об основателях *мошава*.

материалов, состоит из мемуаров специалистов различного профиля, посетивших места проживания евреев Захо и описавших их в контексте этнического и конфессионального многообразия региона. Важную роль в анализе сыграли комплексные монографии, посвященные истории и становлению Государства Израиль в 1950–1970-х гг. Актуальность определяется тем, что в последние десятилетия роль общины евреев Курдистана в израильском обществе неуклонно возрастает. Из ее рядов вышли известные израильские военные, бизнесмены, политики, общественные деятели и ученые. Курдистанские евреи, которые смогли сохранить свою связь с Курдистаном, востребованы властями Израиля для продвижения интересов страны в регионе и связи с курдскими политиками и общественными деятелями.

От мессианской идеи к операции «Эзра и Нехемия»⁷

Общины евреев Курдистана к началу XX в. сформировались как в результате микромиграций по модели *деревня–город*, так и из-за переселения евреев из крупных городов на периферию. Например, во время эпидемий чумы в 1743, 1773 и 1831 гг. в Захо⁸, который из-за особой религиозности его жителей называли «курдским Иерусалимом», переселились евреи из Багдада⁹. Курдистанские евреи поддерживали связь с багдадскими единоверцами, куда они еще в начале XX в. регулярно отправлялись на заработки к богатым представителям иудейской общины. Многие молодые люди таким образом зарабатывали деньги на свадьбу¹⁰. Внутренние миграции сопровождались внешними, и первые курдистанские евреи, движимые религиозными мотивами, прибыли в Палестину

⁷ Эзра и Нехемия — библейские персонажи, с деятельностью которых было связано возвращение древних иудеев из вавилонского плена в V в. до н. э. Их именем израильское правительство назвало операцию по вывозу евреев Ирака в начале 1950-х гг. Аналогом операции «Эзра и Нехемия» являются операции «Ковер-самолет» по вывозу евреев Йемена в 1949–1950 гг. и «Моше» по вывозу эфиопских евреев в 1984 г.

⁸ По данным Рабби Давида, в первой трети XIX в. в Захо и Мосуле проживало примерно по 600 семей в каждом, см. Fischel W. J. The Jews of Kurdistan a Hundred Years Ago: A Traveler's Record // *Jewish Social Studies*. Vol. 6. No. 3 (Jul., 1944). P. 210. По данным турецкого историка Синана Маруфоглу в 1881–1883 гг. в Захо проживало 543 еврея, а еврейское население Мосульского и Шехризурского вилайетов составляло 4287 человек, см.: Marufoğlu S. Osmanlı döneminde Kuzey Irak (1831–1914). İstanbul, Eren yayıncılık, 1998. P. 51, 83.

⁹ Yona M. Those who Perish in the Land of Assyria. The Jews of Kurdistan and Zakho. Jerusalem, 1988. P. 17.

¹⁰ Полевой материал авторов. Информант Ури Менахем, *мошав* Йардена (2022).

еще в 1812 г.¹¹. Они селились главным образом в Иерусалиме, а их традиционным занятием стал тяжелый физический труд.

К 1930 г. в Захо проживали 1471 еврей. Они были пастухами, ремесленниками, торговцами, ювелирами. В городе было две синагоги: одна большая и старинная, а другая являлась *бейт-мидрашем*¹², построенным в 1920-х гг.¹³. До миграции 1950-х гг. Захо был местом проживания крупнейшей и самой влиятельной еврейской общины в Курдистане¹⁴. Одной из ее функций было посредничество. В случае вражды между курдскими кланами стороны обратились к евреям Захо за помощью по примирению¹⁵.

После Первой мировой войны Ирак стал мандатом Великобритании. Английские власти в 1921–1932 гг. опирались при формировании местных институтов на национальные и религиозные меньшинства: ассирийцев, евреев и др.¹⁶ В эти годы политический и финансовый статус евреев укрепился, были сняты все ограничения на действие их учреждений, евреи активно занимались торговлей, достигли ответственных постов в правовой и административной системе Ирака¹⁷. Следует добавить, что в глазах местных националистов евреи воспринимались как орудие британской политики, что делало их объектом критики со стороны курдского и арабского национального движения.

Британская модернизация затронула экономику, образование, здравоохранение, но не духовный мир евреев, который остался традиционным. Религиозные люди видели в переселении на Святую Землю свой священный долг. С конца 1920-х гг. в Курдистане появились сионистские эмиссары, которые пропагандировали эмиграцию в Палестину и делали основной упор на молодое поколение курдистанских евреев. Все это привело к очередной волне переселения, когда около 1900 евреев¹⁸ уехали

¹¹ Yona M. Ibid. P. 98.

¹² «Бейт Мидраш», букв. «дом учения», место для постоянного изучения Торы, посещая уроки или лекции, занимаясь самостоятельно или с раввином.

¹³ The Jewish Community of Zakho. ANU — Museum of the Jewish People. URL: <https://dbs.anumuseum.org.il/skn/he/c6/e224276/מביתה/מדרש> (accessed: 05.04.2023).

¹⁴ Shai D. Changes in the oral tradition among the Jews of Kurdistan // *Contemporary Jewry*. Vol. 5. No. 1. (Spring/Summer 1980). P. 3.

¹⁵ Hodja E. Memories of Zakho city // *Hithadshut*. 5750 (1989). P. 58–59.

¹⁶ Kardam A. Cizre-Bohtan Beyi Bedirhan. Direniş ve İsyân Yılları. Dipnot Yayınları, Ankara, 2011. P. 175.

¹⁷ Yona M. Ibid. P. 17.

¹⁸ В ноябре 1921 г. в британской прессе сообщалось, что в результате погромов в Курдистане «1200 евреев земледельцев принуждены оставить страну, и по дороге в Багдад многие из них умерли от голода и жажды», см. Бюллетень Народного Комиссариата Иностранных Дел. 12 декабря 1921. № 105. С. 35.

из Курдистана в Палестину в 1920–1926 гг. В отсутствие современной транспортной инфраструктуры для эмиграции требовались большие материальные и физические ресурсы. Об этом переселении сохранилось мало документов, а главным источником является устная история¹⁹.

Еще одной причиной для переселения стали экономическое положение и голод. Связь с Палестиной укреплялась посредством посланцев из Святой Земли, приезжавших собирать пожертвования, а также через семьи, которые уже эмигрировали. Несмотря на свое трудное финансовое положение, они отправили из Иерусалима дары в Курдистан — оливковое масло и другие предметы, имевшие в глазах верующих евреев не только материальное, но и сакральное значение. Все это способствовало формированию палестинофильского движения²⁰, которое у курдистанских евреев носило религиозный характер²¹.

В 1947 г. еврейская община Захо выросла до 5000 человек за счет миграции в город жителей небольших деревень²². В разгар массовой эмиграции в 1950-х гг. Захо покинули 2000 человек: одни переехали в Палестину, а другие остановились в Мосуле²³ и Багдаде на пути в Израиль. В дальнейшем переселенцы из Захо составили ядро общины курдистанских евреев Иерусалима²⁴.

После восшествия в 1933 г. на престол Ирака националистически настроенного короля Гази I ибн Фейсал положение евреев в стране ухудшилось. С 1934 г. еврейских чиновников стали увольнять с государственной службы, были введены квоты на прием евреев в государственные школы и университеты. Многие евреи примкнули к оппозиции, за что подверглись репрессиям²⁵. Пропагандистская и агентурная активность нацистов в Ираке во время Второй мировой войны также вела к ухудшению

¹⁹ Yona M. Ibid. P. 128.

²⁰ В 1987 г. израильский исследователь Хайя Гавиш взял интервью примерно у 50 бывших жителей Захо, которых он определил как “бессознательных сионистов”, см. Gavish H. Memories of Zakho Jews Migration. *Hithadshut*. 5750 (1989). P. 310.

²¹ Gavish H. Changes in the Jewish community of Zakho (Iraqi Kurdistan) resulting from traditional religious affinities to the Holy Land, exposure to zionist activity and emigration to Palestine/Israel from the end of the Ottoman period until 1951, in folkloristic and historic contexts. PhD diss., University of Haifa, 1999. P. 168.

²² Edmonds C. Kurds, Turks and Arabs: Politics, Travel and Research in North-Eastern Iraq 1919–1925. London: Oxford University Press, 1957. P. 438.

²³ Gavish H. Ibid. P. 168; Gavish H. Unwitting Zionists. The Jewish Community of Zakho in Iraqi Kurdistan. Detroit, Wayne State University Press, 2009. P. 81.

²⁴ Yona M. Ibid. P. 98.

²⁵ Ibid. P. 17–18.

отношения к евреям²⁶. На положение евреев в арабских странах негативно сказывалась деятельность сионистского движения в Палестине, иракские власти и население сочувствовали палестинцам и подозревали иракских евреев в помощи сионистам²⁷. Евреи Ирака и Курдистана старались приспособиться к новой реальности. Они пытались вернуть доверие соседей путем внешней ассимиляции, заимствуя головные уборы арабов-националистов²⁸. Во многих районах отношения с курдами-мусульманами оставались хорошими вплоть до начала еврейской эмиграции в Израиль²⁹.

Евреи всегда чувствовали себя в Захо в безопасности³⁰. Как свидетельствует израильский историк Моти Закен отношения евреев с курдами оставались очень хорошими: «Мы были как братья до создания Государства Израиль. После этого между нами образовалась пропасть»³¹. Уже в июле 1948 г. иракский парламент внес сионизм в 51 статью Уголовного кодекса, как одну из идеологий, ставящих под угрозу безопасность Ирака³². В 1940-х гг. обвинения в поддержке коммунистов или сионистов стали причиной увольнений и арестов евреев³³.

9 марта 1950 г. иракский парламент принял закон, разрешающий евреям покинуть страну при условии отказа от гражданства Ирака. Это привело к самой крупной миграционной волне в 1950-х гг., когда в рамках проведенной израильскими властями операции «Эзра и Нехемия» из Ирака в Палестину через Иран и Кипр было доставлено 120 тыс. курдистанских евреев³⁴. Отдельные семьи покидали Курдистан и позднее. Некоторые евреи бежали из Ирака позже в период 1970–1973 гг. По утверждению официальной израильской историографии к 1980-м гг. многовековое присутствие еврейской общины на бывших землях Вавилона подошло к концу³⁵.

²⁶ Zaken M. Juifs, Kurdes et Arabes, entre 1941 et 1952 // *Études kurdes*. Errance et Terre promise Juifs, Kurdes, Assyro-Chaldéens. 2005. P. 20.

²⁷ Black E. The expulsion that backfired: When Iraq kicked out its Jews // *Time of Israel*. 31.05.2016. URL: <https://www.timesofisrael.com/the-expulsion-that-backfired-when-iraq-kicked-out-its-jews> (accessed: 05.04.2023)

²⁸ Zaken M. Ibid. P. 8.

²⁹ Ibid. P. 20.

³⁰ Ibid. P. 37.

³¹ Ibid. P. 21.

³² Ibid. P. 19.

³³ Graczyk A. Trapped within the law. Will the Kurdish Jews return to their homeland? // *Przegląd Narodowościowy — Review of Nationalities*. 2018. Vol. 8. P. 159.

³⁴ Zaken M. Ibid. P. 40.

³⁵ Morad T., Shasha D., Shasha R. Iraq's Last Jews. Stories of Daily Life, Upheaval, and Escape from Modern Babylon. Palgrave Studies in Oral History, 2008. P. 8.

Для того чтобы купить билеты, евреи продавали все имущество, а те, у кого не было денег, клятвенно при свидетелях брали в долг, обещая вернуть его в Израиле. В 1951 г. всех готовых уехать евреев Захо собрали в синагоге чтобы сфотографировать на паспорта. После прощания с соседями-мусульманами, евреев повезли на автобусах в Мосул, а оттуда в Багдад. Там они ожидали самолет, проживая за счет местной еврейской общины. В аэропорту от евреев требовалось подтверждение того, что они отказываются от гражданства и имущества. После обыска на наличие ценностей, 80 человек посадили в самолет, который проследовал на Кипр³⁶. После дозаправки на Кипре лайнер прибыл ночью в израильский аэропорт Лод (сейчас аэропорт Бен Гурион), где переселенцев на грузовиках увезли во временные лагеря (ивр. *маоборот*) под Хайфой, где им пришлось провести несколько месяцев. Условия в них были исключительно тяжелыми. Мигрантам приходилось жить в палатках в болотистой местности, получая еду два раза в день³⁷.

На первых этапах важную роль в адаптации евреев Курдистана в Израиле сыграли родственные связи, что характерно для курдистанского общества. Из *маоборот* мигранты переезжали к родственникам, которые эмигрировали в Израиль раньше и помогали поселенцам устраиваться на новом месте. Новоприбывшие сначала жили в палатках, а потом в бараках, еду они получали по карточкам. Большинство курдистанских евреев в конечном счете оказались сконцентрированы в иерусалимском районе Катамон, который и по сей день является важным центром этой общины³⁸.

Адаптация курдистанских евреев к жизни в Израиле

В сионистском руководстве существовали противоположные взгляды на вопрос переселения *мизрахим*. Если будущий премьер-министр, а на тот момент член правительства Леви Эшколь советовал иракским евреям не спешить в Израиль, то Давид Бен Гурион, напротив, настаивал на скорейшем вывозе мигрантов: «*Эшкол прав. У нас нет ни домов, ни работы, ни еды. У нас будет проблема. Но вы идите и приводите их как можно быстрее, потому что кто знает, когда иракцы [правительство] передумают*»³⁹.

По мнению профессора Нью-Йоркского университета и израильянки иракского происхождения Э. Шохат, несмотря на то, что сионизм

³⁶ Yona M. Ibid. P. 98–100.

³⁷ Ibid. P. 100.

³⁸ Ibid. P. 100.

³⁹ Morad T., Shasha D., Shasha R. Ibid. P. 92.

позиционирует себя как движение всех евреев и даже старается утвердить тождественность понятий «еврей» и «сионист», эта идеология апеллировала прежде всего к европейским евреям. *Мизрахим* в лучшем случае рассматривались как дешевая и привычная к климату Ближнего Востоку рабочая сила, которая могла заменить арабских рабочих⁴⁰. Еще в начале XX в. для нужд первых поселений в Палестине были привезены йеменские евреи, которых использовали как прислугу и батраков⁴¹. Подобная практика продолжилась и в последующие годы. Например, в 1930-х гг. активисты сионистского движения в Ираке с возмущением отмечали, что агенты Еврейского агентства⁴² стараются вывозить в Палестину менее образованных, но привычных к тяжелому сельскому труду курдистанских евреев, чем горожан из городов Ирака⁴³.

Первые десятилетия жизни в Израиле стали для курдистанских евреев периодом абсорбции, что на практике означало переход от колониального к постколониальному статусу. Этот процесс включал в себя адаптацию к израильским реалиям, борьбу за сохранение своей идентичности и сопротивление дискриминации. Восточные евреи в Израиле были прослойкой между ашкеназской элитой и арабским населением, относясь к т. н. «Второму Израилю»⁴⁴. Речь идет о реалиях типичных для многих колониальных стран (например, ЮАР, Сенегал, Нигерия), когда между европейскими колонизаторами и покоренным местным населением присутствует промежуточная «цветная» страта, занятая преимущественно в торговле и сфере услуг — индусы, ливанцы и др. Посреднической роли восточных евреев также способствовал тот факт что они знали арабский язык, бычаи и арабский менталитет.

С 1940 по 1970-е гг. *мизрахим* подвергались политике государственной дискриминации. С момента своего приезда в Израиль их культура была объявлена «неполноценной», им предоставлялось жилье и работа на порядок хуже, чем для европейских евреев. До сих пор «темным пятном»

⁴⁰ Shohat E. Ibid. P. 1.

⁴¹ Gavish H. Changes in the Jewish community of Zakho (Iraqi Kurdistan) resulting from traditional religious affinities to the Holy Land, exposure to zionist activity and emigration to Palestine/ Israel from the end of the Ottoman period until 1951, in folkloristic and historic contexts. PhD diss., University of Haifa, 1999. P. 14.

⁴² URL: <https://www.jewishagency.org> (accessed: 05.04.2023).

⁴³ Gavish H. Ibid. P. 138.

⁴⁴ Fishbein I. “The Second Israel is a very honorable place to be, because there are also third and fourth Israel” // *Ha-makom*. 05.12.2019. URL: <https://www.ha-makom.co.il/post-einat-israel-secondandmore> (accessed: 05.04.2023); Ben-Haim A. The Second Israel (I part). Тайминг 0:00:41–0:01:37. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Px6JHn5sJnQ> (accessed: 05.04.2023).

истории Израиля является скандал с тайным изъятием детей йеменских евреев для усыновления и медицинских экспериментов⁴⁵. Израильские архивы содержат материалы и о пропавших детях курдистанских евреев⁴⁶.

Прибыв в Израиль, курдистанские евреи разделили судьбу других восточных общин: йеменских — приехавших в 1949–1950 гг., марокканских — в 1940–1960 гг., и т. д. Основным занятием курдистанских евреев были тяжелые физические работы — прокладка дорог, строительство и сельское хозяйство⁴⁷. Причина этого заключалась не только в таких объективных факторах, как низкий образовательный уровень эмигрантов, но и в дискриминационной политике Израильского государства.

В Иерусалиме сработал механизм привычного расселения восточных евреев в городах — по принципу схожего происхождения. Эти старые районы — марокканский, курдский, бухарский и т. д. — были устроены совершенно по иным стандартам (в сравнении с теми районами, в которых селились еврейские переселенцы из Европы. — *Примеч. авт.*) и очень быстро пришли в упадок. Никто не уделял внимание их состоянию и благоустройству⁴⁸. Стремясь преодолеть этот разрыв, вице-мэр Иерусалима Йосеф Гадиш продвигал идею интегрированных школ, так как в каждом старом районе проживала одна этническая община, и районную школу посещали дети из той же социально-экономической группы. Было отмечено, что в богатых ашкеназских кварталах школьники получали более высокие оценки, чем дети из районов, населенных *мизрахим*. Гадиш считал, что это надо изменить, если «мы хотим строить страну для всех, с единым образованием для всех детей»⁴⁹. Евреи Курдистана долгое время рассматривались властями не как субъект, а объект, требующий опеки⁵⁰. Для работы с ними правительством были выделены специальные кураторы.

Уже в первые десятилетия в Израиле образ жизни евреев Курдистана претерпел существенные изменения. В беседе с израильскими журналистами в начале 1970-х гг. жители *мошава* Йардени, в котором проживали главным образом выходцы из Курдистана, рассказывали, что за двадцать

⁴⁵ Knell Y. Missing babies: Israel's Yemenite children affair // *BBC News*. Jerusalem. 20 June 2017. URL: <https://www.bbc.com/news/magazine-40342143> (accessed: 05.04.2023).

⁴⁶ Cohen-Kedmi Committee regarding the children of Yemen. Shlagi committee. Missing case: (without first name) Ben Aharon and Simcha Moshe. Israel State Archives, ISA-Courts-Supreme-Court-000a8x4, 01.01.1986–31.12.2000. P. 3–4.

⁴⁷ Yona M. *Ibid.* P. 100.

⁴⁸ Forester J. Fischler R. Shmueli D. *Israeli Planners and Designers: Profiles of Community Builders*. State University of New York Press, 2001. P. 124–125.

⁴⁹ *Ibid.* P. 119.

⁵⁰ Ofir J. *I'm Kurdi*. Tel-Aviv: Sifriat poalim, 1975. P. 28.

лет жизни после эмиграции традиционная роль старейшин постепенно сошла на нет, а их функции взял на себя местный совет⁵¹. Постепенно произошел и отказ от традиционной одежды, которую эмигранты носили в первые годы своего проживания в Израиле⁵². Йарденцы в интервью с журналистами отмечали, что в Израиле по сравнению с Курдистаном резко выросло значение документов и бюрократии, исчезли большие семьи, когда несколько поколений жили под одной крышей. Отныне отдельный дом имелся у каждой семьи⁵³. Женщины, которые раньше сидели дома и занимались хозяйством, пошли работать⁵⁴. В повседневной жизни ослабла роль религии: родившиеся и выросшие в Израиле курдистанские евреи считали возможным отправиться в шаббат на футбольный матч или какое-то другое мероприятие. По их словам, темп израильской жизни вынуждал искать более современные пути проведения свободного времени, чем традиционное соблюдение субботы⁵⁵. Многие из этих перемен произошли под давлением кураторов, поощрявших европеизацию и светский образ жизни⁵⁶.

Вместе тем ряд факторов продолжал препятствовать ассимиляции курдистанских евреев в израильском обществе: они жили преимущественно компактными общинам в городах или *мошавах*. Соседи курдистанских евреев также не стремились с ними сблизиться. Йарденцы отмечали отчужденность жителей соседних *киббуцев*, населенных главным образом европейскими евреями⁵⁷.

В начале 1970-х гг. движение за гражданские права в США оказало влияние на Израиль. Восточные евреи начали борьбу против дискриминации. Курдистанские евреи также были вовлечены в этот процесс. В 1971 г. в поселении Маоз Цион собралось около 350 представителей курдистанских евреев со всего Израиля. На мероприятии присутствовали премьер-министр Голда Меир, министры, члены кнессета и общественные деятели. Было принято решение о создании Всеизраильской организации курдистанских евреев. Своей задачей она видела поддержание и сохранение традиций и обычаев курдистанских евреев. Планировалось создание общинных домов, библиотек и культурных центров, в которых будут проводиться просветительские мероприятия. После двадцатилет-

⁵¹ Ofir J. Ibid. P. 29.

⁵² Ibid. P. 28.

⁵³ Ibid. P. 8.

⁵⁴ Ibid. P. 77.

⁵⁵ Ibid. P. 76.

⁵⁶ Ibid. P. 28.

⁵⁷ Ibid. P. 77.

него перерыва было возобновлено празднование традиционного для курдистанских евреев праздника Сехаране, а для поддержки изучения истории общины и студентов из числа курдистанских евреев был учрежден специальный фонд⁵⁸.

Первым главой Всеизраильской организации курдистанских евреев был избран Хавив Шимони (1933–1994), семья которого эмигрировала в Израиль в 1936 г.⁵⁹. Он знаменит тем, что во время своей службы в Министерстве образования Израиля начал активное противодействие сегрегации в образовательной системе. До начала 1970-х гг. восточные евреи получали образование в школах по месту жительства, которые финансировались по остаточному принципу и не давали знаний в объеме, достаточном для получения аттестата зрелости. Усилиями Шимони и других активистов — выходцев из стран Востока стали допускать в школы с учениками *ашкеназим* в престижном иерусалимском районе Рехавия⁶⁰. Им удалось добиться регулярного проведения мероприятий, направленных на популяризацию культуры и фольклора курдистанских евреев⁶¹.

С 1972 г. на постоянной основе отмечается праздник Сехаране, посредством которого курдистанские евреи поддерживают свою идентичность. Многие обряды и время проведения Сехаране похожи на обычаи Мимуны — праздника марокканских евреев. Они оба отмечаются весной, включают в себя посещение соседей-неевреев и прогулки на природе. Так как марокканская община гораздо влиятельнее и многочисленнее курдистанской, праздник Сехаране был из-за Мимуны перенесен на осень⁶². По мнению курдистанских евреев они «*просто проиграли в межобщинном споре*»⁶³.

К 1980-м гг. в Израиле проживало около 100 тыс. курдистанских евреев, включая второе и третье поколение. Половину из них составляют

⁵⁸ Israel Organization of Kurdistan Jews. URL: <https://web.archive.org/web/20181015152703/http://www.kurdishjewry.org.il> (accessed: 05.04.2023).

⁵⁹ Haviv Shimoni, Member of the Eighth Knesset. <https://main.knesset.gov.il/en/MK/APPS/mk/mk-personal-details/657> (accessed: 05.04.2023).

⁶⁰ Forester J. Fischler R. Shmueli D. Ibid. P. 106.

⁶¹ Israel Organization of Kurdistan Jews. URL: <https://web.archive.org/web/20181015152703/http://www.kurdishjewry.org.il> (accessed: 05.04.2023).

⁶² President Haim Herzog. Events at the president's house. The Saharan. Kurdistan Jews. Israel State Archives, ISA-President-LetterCredence-000dvse, 22.07.1991–06.10.1991. URL: <https://www.archives.gov.il/archives/Archive/0b071706800399c8/File/0b0717068082f947> (accessed: 05.04.2023).

⁶³ Tverskoy D. The Kurdish community in Israel gathered to celebrate the Feast of the Saharna, amid the painful events in Syria // *Davar*. 16.10.2019. URL: <https://www.davar1.co.il/197580> (accessed: 05.04.2023).

эмигранты из Иракского Курдистана, 35% — выходцы из Иранского Курдистана, а остальные — потомки эмигрантов из Турции и Сирии. Если говорить об их географической локализации, то 35 тыс. курдистанцев живут в Иерусалиме и его окрестностях, 20 тыс. — в Иорданской долине, 8 тыс. в Тверии, 3 тыс. — в Кирьят-Малахи, остальные рассеяны по другим населенным пунктам Израиля⁶⁴.

Оценивая статус родного языка, Саймон Хопкинс отмечает, что эмиграция в Израиль сыграла самую негативную роль в плане сохранения культуры курдистанских евреев. Сегодня на новоарамейских языках⁶⁵ говорят преимущественно пожилые люди и следует ожидать его полного исчезновения из ежедневного обращения. Вместе тем небольшая группа энтузиастов из числа курдистанских евреев пытается сохранить свой язык, прежде всего за счет издания текстов, написанных курдистанскими евреями на арамейском языке⁶⁶. Курдистанская еврейка Далия Азизи в своем интервью газете «Маарив» говорила, что идиш она слышала в школах, театрах и ешивах, так как это был признанный в Израиле язык в отличие от новоарамейского — языка, на котором также говорили евреи: «Так почему государственные институты не признают и его?»⁶⁷.

В последние годы появились музыкальные коллективы, которые исполняют песни на новоарамейском языке⁶⁸. Попытки возрождения новоарамейского языка неожиданно поставили под сомнение идентичность курдистанских евреев. По мнению ряда исследователей, последние

---

⁶⁴ Sharaby R. Renewed Interpretation of the Ethnic Tradition of Kurdish Immigrants in Israel // *HaGira — Israel Journal of Migration*. Vol. 8. 2018. P. 3–21.

⁶⁵ Речь о разновидностях живых арамейских языков, противопоставляемых классическим, которые известны своим письменным наследием. Носителями новоарамейских языков являются национальные меньшинства, проживавшие и проживающие на территории этногеографического Курдистана: последователи христианства, иудаизма, мандеизма. Еврейские носители многих новоарамейских языков используют для своего языка термин «таргум» от Таргума — традиционного перевода Библии на арамейские языки, см. Лявданский А. К. Новоарамейские языки. Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападно-семитские языки. Российская академия наук, Институт языкознания. М: Academia, 2009. С. 660–693.

⁶⁶ Hopkins S. The Jews of Kurdistan in Eretz Israel and their Language // *Paamim*. No 56. 1993. P. 67–68.

⁶⁷ Shezaf H. From the people who brought you Malmillian // *Beit Avi Chai*. 01.09.2013. URL: <https://www.bac.org.il/specials/project/bdrch-lpyvt/article/mhaanshym-shhabyav-lkm-at-mlmy-luan> (accessed: 05.04.2023).

⁶⁸ Например, группа «Наши Люди» (ивр. «Наш Дидан»), названная по имени деревни в Иранском Курдистане, где говорили на новоарамейских диалекте, см.: Elias I. Longing for the Aramaic we spoke at home // *Haaretz*, 12.05.2016. URL: <https://www.haaretz.co.il/gallery/.premium-1.2938718> (accessed: 05.04.2023).

евреи поддерживают связь с курдами, проживающими в других странах⁷⁴. По словам певицы Иланы Алиа, *«курды чувствуют с нами связь, потому что мы были, как они: раньше государства не было у нас, теперь государства нет у них — это их мечта. Каждый раз, когда что-то случается с курдами за границей, местные общины выходят на демонстрацию, потому что есть связь и есть ощущение общей судьбы»*⁷⁵. Так как курдистанские евреи воспринимают курдов, как «братьев, находящихся в беде», события в Сирии последних лет вызывают живой отклик среди выходцев из Курдистана⁷⁶.

Заключение

Эмигрируя в Израиль в начале 1950-х гг., курдистанские евреи были вынуждены отказаться не только от своего имущества и гражданства, но и от традиционного образа жизни. Зачастую они становились жертвами дискриминации и социальных экспериментов политики «плавильного котла», вынуждающей евреев Курдистана, как и других *мизрахим*, отказаться от своей идентичности. Лишь в начале 1970-х гг. курдистанская община получила возможность заявить о своих нуждах и культурных особенностях. Длительный и сложный процесс интеграции евреев Курдистана, в частности евреев Захо, в израильское общество привел к межобщинной конкуренции в мультикультурном израильском обществе, например с выходцами из Марокко. Здесь главным препятствием предстают не действия государства, а реалии современного урбанистического израильского общества, слишком сильно отличающиеся от жизни Захо и других мест Иракского Курдистана.

Община курдистанских евреев не относится к числу самых богатых и многочисленных этнических групп Израиля, хотя в последние годы среди ее представителей появляются заметные фигуры, оказывающие значительное влияние на израильское общество. Наиболее известными выходцами из Захо являются лингвист-семитолог Йона Сабар (р. 1938), бывший министр обороны Ицхак Мордехай (р. 1944), политик Итамар Бен-Гвир (р. 1946), профессор и исследователь еврейского фольклора Шалом Цабар (р. 1951) и др.

Курдистанцы отличаются консервативностью, религиозностью и по возможности стараются сохранять культурные традиции своей родины:

---

⁷⁴ Maoz Y. Ibid.

⁷⁵ Shezaf H. Ibid.

⁷⁶ Tverskoy D. Ibid.

10. Fischel W. J. The Jews of Kurdistan a Hundred Years Ago: A Traveler's Record // *Jewish Social Studies*. Vol. 6. No. 3. (Jul., 1944). P. 195–226. URL: <http://www.jstor.org/stable/4464600> (accessed: 05.04.2023).

11. Fishbein I. “The Second Israel is a very honorable place to be, because there are also third and fourth Israel” // *Ha-makom*. 05.12.2019. URL: <https://www.ha-makom.co.il/post-einat-israel-secondandmore> (accessed: 05.04.2023). (На иврите).

12. Forester J. Fischler R. Shmueli D. Israeli Planners and Designers: Profiles of Community Builders. State University of New York Press, 2001.

13. Gavish H. Changes in the Jewish community of Zakho (Iraqi Kurdistan) resulting from traditional religious affinities to the Holy Land, exposure to zionist activity and emigration to Palestine/Israel from the end of the Ottoman period until 1951, in folkloristic and historic contexts. PhD diss., University of Haifa, 1999. (На иврите).

14. Gavish H. Memories of Zakho Jews Migration // *Hithadshut*. 5750 (1989). P. 310. (На иврите).

15. Gavish H. Unwitting Zionists. The Jewish Community of Zakho in Iraqi Kurdistan. Detroit, Wayne State University Press, 2009.

16. Graczyk A. Trapped within the law. Will the Kurdish Jews return to their homeland? // *Przegląd Narodowościowy — Review of Nationalities*. 2018. Vol. 8. P. 157–166.

17. Hodja E. Memories of Zakho city // *Hithadshut*. 5750 (1989). P. 58–59. (На иврите).

18. Hopkins S. The Jews of Kurdistan in Eretz Israel and their Language // *Paa-mim*. No. 56. 1993. P.50–74. URL: [https://www.ybz.org.il/_Uploads/dbsAttachedFiles/Article_56.4\(1\).pdf](https://www.ybz.org.il/_Uploads/dbsAttachedFiles/Article_56.4(1).pdf) (accessed: 05.04.2023). (На иврите).

19. Israel Organization of Kurdistan Jews. URL: <https://web.archive.org/web/20181015152703/http://www.kurdishjewry.org.il> (accessed: 05.04.2023). (На иврите).

20. Kardam A. Cizre-Bohtan Beyi Bedirhan. Direniş ve İsyân Yılları. Dipnot Yayınları, Ankara, 2011. (На тур. яз.).

21. Knell Y. Missing babies: Israel's Yemenite children affair // *BBC News*, Jerusalem, 20 June 2017. URL: <https://www.bbc.com/news/magazine-40342143> (accessed: 05.04.2023).

22. Kurdistan Immigrants Knesset, Katamon Jerusalem. Israel State Archives, ISA-PMO-PrimeMinisterBureau-000uyah, 01.01.1964–31.12.1965. URL: <https://www.archives.gov.il/archives/Archive/0b071706800171a0/File/0b07170680e52f85> (accessed: 05.04.2023). (На иврите).

23. Maoz Y. Don't call me Kurdish // *Jokopost*. 20.06.2019. URL: <https://www.jokopost.com/thoughts/21374> (accessed: 05.04.2023). (На иврите).

24. Marufoğlu S. Osmanlı döneminde Kuzey Irak (1831–1914). İstanbul, Eren yayıncılık, 1998. (На тур. яз.).

25. Morad T., Shasha D., Shasha R. Iraq's Last Jews. Stories of Daily Life, Upheaval, and Escape from Modern Babylon. Palgrave Studies in Oral History, 2008.

26. Ofir J. I'm Kurdi. Tel-Aviv, Sifriat poalim, 1975. (На иврите).

27. President Haim Herzog. Events at the president's house. The Saharan. Kurdistan Jews. Israel State Archives, ISA-President-LetterCredence-000dvse, 22.07.1991–06.10.1991. URL: <https://www.archives.gov.il/archives/Archive/0b071706800399c8/File/0b0717068082f947> (accessed: 05.04.2023). (На иврите).

28. Shai D. Changes in the oral tradition among the Jews of Kurdistan // *Contemporary Jewry*, Vol. 5. No. 1 (Spring/Summer 1980). P. 2–10. URL: <http://www.jstor.org/stable/23447193> (accessed: 05.04.2023).
29. Sharaby R. Renewed Interpretation of the Ethnic Tradition of Kurdish Immigrants in Israel // *Hagira — Israel Journal of Migration*. Vol. 8. 2018. P. 3–21.
30. Shezaf H. From the people who brought you Malmillian // *Beit Avi Chai*. 01.09.2013. URL: <https://www.bac.org.il/specials/project/bdrch-lpyvt/article/mhaan-shym-shhabyav-lkm-at-mlmylyan> (accessed: 05.04.2023). (На иврите).
31. Shohat E. Sephardim in Israel: Zionism from the Standpoint of Its Jewish Victims // *Social Text*. No. 19/20. (Autumn, 1988). P. 1–35. URL: <http://www.jstor.org/stable/466176> (accessed: 05.04.2023).
32. Shor Z. After 84 years: “Erbil” synagogue in Buchary district will be demolished // *Buharim.com*, 11.08.2020. URL: <https://bucharim.com/הכנסת-הארבלים-בשכונת-הב-שנים-בית-הכנסת-אחרי-48> (accessed: 19.05.2022). (На иврите).
33. The Jewish Community of Zakho. ANU — Museum of the Jewish People. URL: <https://dbs.anumuseum.org.il/skn/he/c6/e224276/וכאז/מוקמ/> (accessed: 05.04.2023). (На иврите).
34. Tverskoy D. The Kurdish community in Israel gathered to celebrate the Feast of the Saharna, amid the painful events in Syria // *Davar*, 16.10.2019. URL: <https://www.davar1.co.il/197580> (accessed: 05.04.2023). (На иврите).
35. Yona M. Those who Perish in the Land of Assyria. The Jews of Kurdistan and Zakho. Jerusalem, 1988. (На иврите).
36. Zaken M. Juifs, Kurdes et Arabes, entre 1941 et 1952 // *Études kurdes*. Errance et Terre promise Juifs, Kurdes, Assyro-Chaldéens. 2005. P. 7–43. (На фр. яз.).

Список авторов / Contributors

1. *Sergei Andreyev* — *D Phil* (Oxon), Fellow of the Royal Asiatic Society; President of Consociatio Eruditorum Studiis Afganologicis Internationalibus (St Petersburg, Russia)
2. *Magda El-Nowieemy* — *PhD*, Professor of Graeco-Roman Studies, Faculty of Arts, University of Alexandria (Alexandria, Egypt)
3. *Dimitrios Letsios* — *PhD*, Ambassador, a. h., Ministry for Foreign Affairs of the Hellenic Republic; Member of the Board of Directors, University of Peloponnese (Athens, Greece)
4. *Firuz Melville* — *PhD*, Head of the Centre for Persian Studies, Pembroke College, University of Cambridge; Fellow of the Royal Asiatic Society (Cambridge, UK)
5. *David Nicolle* — *PhD*, Honorary Research Fellow, Nottingham University, England (London, UK)
6. *George Tsutsos* — *Institute* for Graeco-Oriental and African Studies (IGOAS), Athens; Collaborator of the Library of the Holy Synod of the Church of Greece (Athens, Greece)

7. *Алексеев Антон Кириллович* — канд. ист. наук, доцент, кафедра ближневосточных и африканских исследований, Институт востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (СПб.) (Санкт-Петербург, Россия)
Anton K. Alexeev — PhD in History, Associate Professor, Lead Research Fellow, Department of Asian and African Studies, National Research University “Higher School of Economics” (St Petersburg, Russia)
8. *Арсланова Алсу Айратовна* — канд. ист. наук, ведущий библиограф отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) Федерального университета (Казань, Россия)
Alsu A. Arslanova — PhD in History, Leading bibliographer of the Department of Manuscripts and Rare Books of the N. I. Lobachevsky Scientific Library of Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)
9. *Базиленко Игорь Вадимович* — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)
Igor V. Bazilenko — Doctor of History (Habil.), Professor, Department of Middle Eastern History, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia)
10. *Баконина Марианна Станиславовна* — канд. полит. наук, старший эксперт Центра комплексных исследований Российского института стратегических исследований (РИСИ); журналист и политолог (Москва, Россия)
Marianna S. Bakonina — PhD in Political Science, Senior Fellow at the Center for Comprehensive Research of the Russian Institute for Strategic Studies; Russian journalist and political analyst (Moscow, Russia)
11. *Балащенко Юрий Дмитриевич* — ст. преп., кафедра истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет СПбГУ; ст. науч. сотр. Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» (Санкт-Петербург, Россия)
Yuriy D. Balatsenko — Senior lecturer, Department of Middle Eastern History, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg State University; Senior Research Fellow, Илья Репин’s ‘Penaty’ Memorial Estate (St Petersburg, Russia)
12. *Боков Тимофей Александрович* — первый секретарь посольства России в Сирии (Дамаск, Сирия)
Timofey A. Vokov — First Secretary, Embassy of the Russian Federation to the Syrian Arab Republic (Damascus, Syria)
13. *Валеев Рамиль Миргасимович* — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия)
Ramil M. Valeev — PhD, Doctor of History, Professor, Department of Altaic and Chinese Studies, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

14. *Валеева Роза Закариевна* — канд. педагог. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков в профессиональной коммуникации, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (Казань, Россия)
Roza Z. Valeeva — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Dean, Faculty of Linguistics in International Communication, Kazan Innovative University (IEML) (Kazan, Russia)
15. *Герасимов Игорь Вячеславович* — д-р ист. наук, профессор, кафедра истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)
Igor V. Gerasimov — Professor of History (Habil.), Department of Middle Eastern History, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia)
16. *Добронравин Николай Александрович* — д-р. филол. наук, профессор, кафедра мировой политики, факультет международных отношений СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)
Nikolay A. Dobronravin — Doctor of History (Habil.), Professor, Department of World Politics, School of International Relations, St Petersburg University (St Petersburg, Russia)
17. *Жуков Константин Александрович* — канд. ист. наук, доцент, кафедра истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)
Konstantin A. Zhukov — PhD in History, Associate Professor, Department of Middle Eastern History, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia)
18. *Кирпиченко Артем Иванович* — канд. ист. наук, лектор, Центр восточных культур, отдел литературы на иностранных языках, ЦГПБ им. В. В. Маяковского (Санкт-Петербург, Россия)
Artem I. Kirpichenok — PhD in History, Lecturer, Center for Oriental Cultures, Foreign Literature Department, Mayakovsky's Central Public Library, Saint-Petersburg, Russia.
19. *Котин Игорь Юрьевич* — д-р ист. наук, профессор; вед. науч. сотр. МАЭ РАН; ВФ СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)
Igor Y. Kotin — D Phil (Oxon), Doctor of History (Habil.), Professor; Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg State University; Lead Research Fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; (St Petersburg, Russia)
20. *Лемешкина Ксения Вячеславовна* — аспирант, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия)
Ksenia V. Lemeshkina — PhD candidate, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St Petersburg, Russia)

21. *Макеева Наталья Валентиновна* — ст. преп., кафедра Древнего Востока, Восточный факультет СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)
Natalia V. Makeeva — Senior Lecturer, Department of the Ancient East History, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University (St Petersburg, Russia)
22. *Матвеев Александр Сергеевич* — ст. преп., кафедра истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)
Alexander S. Matveyev — Senior Lecturer, Department of Middle Eastern History, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia)
23. *Месхидзе Джульетта Изауовна* — канд. ист. наук, науч. сотр., Центр европейских исследований, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, (Санкт-Петербург, Россия)
Julietta I. Meskhidze — PhD in History, Research Fellow, Center for European Studies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, (St Petersburg, Russia)
24. *Пан Татьяна Александровна*, канд. ист. наук, вед. науч. сотр., зам. директора ИВР РАН по науке, зав. отделом Дальнего Востока ИВР РАН, (Санкт-Петербург, Россия)
Tatiana A. Pang — PhD in History, Senior Research Fellow, Head of the Department of Far Eastern Studies, Deputy Director for Academic Affairs, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St Petersburg, Russia)
25. *Пелевин Михаил Сергеевич* — д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой иранской филологии, Восточный факультет СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)
Mikhail S. Pelevin — Doctor of Philology (Habil.), Professor, Head of the Department of Iranian Philology, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University) St Petersburg, Russia)
26. *Победоносцева-Кая Анжелика Олеговна* — канд. ист. наук, ст. преп., Восточный факультет, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)
Angelika O. Pobedonostseva-Kaya — PhD in History, Senior Lecturer, Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg University (St Petersburg, Russia)
27. *Пумпян Галина Захаровна* — канд. филол. наук, главный библиотекарь, отдел литературы стран Азии и Африки, Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)
Galina Z. Pumpyan — PhD in Philology, Chief Librarian, Asia and Africa Publications Department, Russian Academy of Sciences Library (St Petersburg, Russia)
28. *Сериков Николай Игоревич* — канд. ист. наук, дипл. библиотекарь, ст. науч. сотр., Институт востоковедения РАН (Москва, Россия)
Nikolaj Serikoff — PhD in History, Dip. Lib., Senior Research Fellow, Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

29. *Соколов Олег Александрович* — канд. ист. наук, кафедра арабской филологии, Восточный факультет СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)
Oleg A. Sokolov — PhD in History, Department of Arabic Philology Faculty of Asian and African Studies, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia)
30. *Ястребова Ольга Михайловна* — канд. филол. наук, доцент; ст. науч. сотр., сектор восточных фондов, отдел рукописей, Российская национальная библиотека; Восточный факультет; Институт истории СПбГУ; Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург, Россия)
Olga M. Yastrebova — PhD in Philology, Keeper of Oriental Collections, Manuscript Department, National Library of Russia; FAAS; Institute of History, St Petersburg State University; Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University (St Petersburg, Russia)

Содержание

Восточник. Востоковед. Востоколюб	5
Штурвал в надежных руках	8
Tabula Gratulatoria	10
Николай Николаевич Дьяков: ученый, преподаватель, организатор науки	16
Professor Nikolay Dyakov: A Biographical Note	34
Список основных научных трудов проф. Н. Н. Дьякова, опубликованных в 1979–2023 гг.	38

Научные статьи

Sergei Andreyev

A Russian Post-Imperial Policy Paper on the Imperial Political Logic Concerning Afghanistan and Central Asia	52
---	----

Vassilios Christides

The Odyssey of the Andalusian Conquerors of Crete: from Cordoba Via Alexandria to Crete	61
--	----

Magda El-Nowieemy

The Red Sea and the Luxury of the Roman Women: A Literary Study. . .	98
--	----

<i>Dimitrios G. Letsios</i>	
Arabs and Arabia in the Byzantine Sources: Hagiographical Testimonies	114
<i>Firuz Melville</i>	
Diaghilev's <i>Scheherazade</i> and Russian Orientalism.	129
<i>David Nicolle</i>	
Archaeological Evidence for Mamlūk Archery	158
<i>George Tsoutsos</i>	
The Stance of the Greek Orthodox Church Towards the Crusades and the Ottoman Occupation.	210
<i>А. К. Алексеев</i>	
Борьба за воду: гидроресурсы как инструмент политического и экономического давления на примере взаимоотношений Турции, Ирака, Ирана и Сирии (XX — нач. XXI в.)	219
<i>И. В. Базиленко</i>	
О российском предпринимательстве и проектах в Иране на рубеже XIX–XX вв.	230
<i>М. С. Баконина</i>	
Динары халифата — монетизация символа (по материалам глянцевого журнала ИГ Dabiq).	247
<i>Ю. Д. Балащенко</i>	
Последняя и одна из наиболее жизнерадостных картин И. Е. Репина — «Гопак — пляска запорожцев»: от «Письма турецкому султану» к «Гопаку»	263
<i>Т. А. Боков</i>	
Христиане современной Сирии в зеркале анекдота	279
<i>Р. М. Валеев, А. А. Арсланова, Р. З. Валеева</i>	
Профессор-арабист И. Ф. Готвальд в Казанском университете и его арабо-мусульманские исследования (1849–1897 гг.)	291
<i>И. В. Герасимов, Т. А. Пан</i>	
К истории исламского образования в Китае и переводу Корана на китайский язык	301
<i>Н. А. Добронравин</i>	
Судан на фоне Марокко: хрупкая государственность	314

<i>К. А. Жуков</i>	
[В. В. Григорьев] Султана Мендали Пиралиева девять Хивинских писем в редакцию «Русского мира»	325
<i>И. Ю. Котин, К. В. Лемешкина</i>	
«Барахмах» Нанака и дискуссия о реформе сикхского календаря.	408
<i>Н. В. Макеева</i>	
Зачем Нефертити длинная шея?	420
<i>А. С. Матвеев</i>	
Архаизация на Большом Ближнем Востоке как элемент глобального тренда: причины и формы.	435
<i>Дж. И. Месхидзе</i>	
Дипломатическая миссия в Стамбул князя Григория Шаховского (1759–1760): мир в тени войны	473
<i>М. С. Пелевин</i>	
Житийная антология Ни‘маталлаха Харави в индо-персидской агиографии	487
<i>А. О. Победоносцева-Кая, А. И. Кирпиченко</i>	
Интеграция курдистанских евреев в Израиле: из «курдского Иерусалима» в иерусалимский Катамон	502
<i>Г. З. Пумпян</i>	
Об арабских мотивах в русской поэзии XIX — начала XX в.: взгляд библиографа.	520
<i>Н. И. Сериков</i>	
Рифа‘а Рафи‘ ат-Тахтави (1801–1873), его перевод географических глав «Всеобщего огласчика» англичанина Дж. Митчелла и «русский деспотизм»	563
<i>О. А. Соколов</i>	
Этнические группы христиан в «Tuḥfat al-nuẓẓār fī gharā’ib al-amṣār wa ‘ajā’ib al-asfār» Ибн Баттуты: терминологический аспект.	578
<i>О. М. Ястребова</i>	
«Бустан» Са‘ди с миниатюрой из собрания СПбГУ: датировка и атрибуция	586
Список авторов / Contributors	600